

Дора Абрамовна Лазуркина (1884–1974)

~ ~ ~

Записывать на магнитофонную ленту ее воспоминания мы стали непростительно поздно. Нельзя сказать, что я не понимал всей исторической ценности таких вот записей. Понимал, еще как понимал, в особенности после XXII съезда партии, где в ее короткой, но впечатляющей речи была высказана невозможность такого положения, чтобы Сталин находился в мавзолее рядом с Лениным. «Большое зло, — говорила она на съезде, — нанесенное Сталиным, — состоит не только в том, что погибло много наших лучших людей, не только в том, что творился произвол, без суда расстреливали, отправляли в тюрьмы неповинных людей. Не только в этом. Вся обстановка, которая создалась в партии в то время, совершенно не соответствовала духу Ленина. Она была диссонансом духу Ленина... При Ленине в партии, — говорила она, — господствовала атмосфера дружбы, товарищества, веры друг в друга, поддержки, помохи друг другу. Мне вспоминаются годы подполья. Когда нас арестовывали, мы, не задумываясь, брали на себя обвинения, чтобы прикрыть организацию, отвести удар от товарищей, еще не арестованных, сохранить подпольную литературу и типографию. А какая обстановка создалась в 1937 году? Господствовал несвойственный нам, ленинцам, страх. Клеветали друг на друга, не верили, клеветали даже на себя. Создавали списки для ареста безвинных людей. Нас били, чтобы мы клеветали, давали эти списки, заставляли подписать, обещали выпустить, грозили: не подпишешь — замучаем! Но многие не дрогнули, сохранили свою большевистскую душу и никогда ничего не подписывали!»

Эта ее фраза заставила зал Дворца съездов разразиться продолжительными аплодисментами. Примечательно, что свою речь она произнесла экспромтом. Накануне вечером

к ней в гостиницу «Москва» засыпали стенографистку, она отказалась воспользоваться ее услугами, заявив прибывшему работнику аппарата, что еще никогда в жизни не писала своих речей и на этот раз тоже не изменит своим принципам. Поэтому никто, ни один человек на съезде не знал, что же она скажет, и, вернувшись домой, она рассказывала нам, в каком напряжении был Хрущев, не привыкший к тому, чтобы выступающий произносил речь, заранее не просмотренную соответствующими работниками, не поправленную ими и одобренную.

Эхо той ее речи сравнительно недавно откликнулось цитатой в известной статье Ю. Карякина «Стоит ли наступать на грабли?», опубликованной в журнале «Знамя» /№ 9, 1987 г./. Если бы меня попросили назвать ее отличительные черты, я бы назвал редчайшую силу воли, редчайшую честность, бескомпромиссность, а отсюда неженскую смелость, мужество. Ей была свойственна определенная независимость, но партийная дисциплина для нее была делом святым. Маленькая, стройная, голубоглазая, она была на редкость привлекательна в молодые годы, и возможно, что этой ее привлекательностью, хрупкостью объясняется, почему в сентябре 1904 года, когда она по подложному паспорту прибыла в Женеву к Ленину, Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселили ее у себя. Они же, как уверял меня один историк, придумали ей партийную кличку – «Соня», и всегда только так ее и называли. В 1904 году ей как раз исполнилось двадцать лет, в Женеве в нее влюбился Владимир Невский, он играл ей на скрипке, читал стихи, но, решив посвятить свою жизнь революции, она отвергала любовь. В петербургский социал-демократический кружок «Борьба за свободу» она вступила в 1902 году, уже дважды подвергалась аресту, сидела в тюрьме – в Петербурге и в Одессе, куда она была направлена на подпольную партийную работу и откуда она выехала по заданию организации в Женеву.

В кафе «Ландольт» Владимир Ильич представил ее Георгию Валентиновичу Плеханову. В Женеве в ту пору собрались все видные деятели партии — Аксельрод, Мартов, Дан. Раскол уже произошел, поэтому меньшевики, которых было много в Женеве, заседали в большом зале, а большевики — Ленин, Бонч-Бруевич, Ольминский по кличке «Галерка» — избрали маленький зальчик в том же кафе по соседству, из этого зала был отдельный выход на улицу Консей-Женераль. Пожалуй, тот женевский период она вспоминала чаще, любила его вспоминать, наверное, он оставил не просто неизгладимый след в ее памяти, а след светлый — она даже светлела лицом, когда вспоминала, как они втроем отправлялись за город, на природу. И тут Владимир Ильич преображался. «Помню, я глазам своим не поверила, — рассказывала она, — увидев, как он взобрался на самую высокую гору, на крутую скалу, нависшую над озером, сложил ладони у рта рупором и весело крикнул: «Ау-у-у!» Потом прислушался. Горное эхо раскатисто ответило: «У-у-у». А Ильич счастлив, лицо сияет, улыбается, глаза блестят мальчишеским задором! С живым

восторгом глядел он на белых чаек, высоко круживших над голубыми волнами, с нежностью, а может, и не без некоторой зависти наблюдал, как местные ребята пускали в небо своих голубей. И думалось: а ведь что-то такое очень роднит этого величайшего из людей с детьми. Так же, как и они, с таким же чистым и открытым сердцем он радовался свету, солнцу жизни...»

Ее воспоминания вспыхивали порой, как сполохи молний, неожиданно вдруг иногда какая-то случайно брошенная фраза будто что-то замыкала в ее мозгу, и информация, хранящаяся в одной из ячеек ее незаурядной памяти, выбрасывалась наружу – вот тут-то бы и записывать то, о чем она начинала говорить, но вот этого как раз я и не делал. Потом, когда ее дочь, моя теща, Юлия Михайловна Лазуркина вышла на пенсию, было решено купить магнитофонную приставку и записать ее воспоминания. Теперь, прослушивая эти записи, я понимаю, что в них лишь калька ее жизни, что главная работа как раз была впереди, но для этого требовалось осмыслить услышанное и задать ей вопросы, до которых, как я теперь убеждаюсь, еще предстояло созреть.

Новый поворот ее судьбы был решен 9 января 1905 года – событиями в Петербурге. 10-го весть о «Кровавом воскресенье» выплеснулась на страницы женевских газет. «Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, – в эмигрантскую столовую Лепешинских», – вспоминала впоследствии Надежда Константиновна. В книге о ней, вышедшей в серии ЖЗЛ, сказано:

«Здесь же, в столовке, было принято решение – послать в Россию двух представителей большевиков – В. И. Невского в Москву и Д. А. Лазуркину в Петербург. Однако денег на поездку не было. Но столь велик был подъем, что это никого не смущило. Решили собирать деньги в кафе, ресторанах, булочных, среди русских эмигрантов всех направлений, живших в Женеве. Не нашлось человека, который бы отказал в средствах на русскую

революцию. Вечером все встретились у Ленина, подсчитали деньги – их вполне хватало на поездку. Надежда Константиновна сшила небольшие мешочки, куда положили деньги. В тот же вечер Невский и Лазуркина уехали на родину. Прощаясь, Надежда Константиновна сказала Лазуркиной: “Смотрите, пишите о работе, о настроениях рабочих, обо всем, что делается на местах – и о трудностях, и о достижениях”».

Их путь – ее и влюбленного в нее Невского – лежал через Берлин, Варшаву. В Берлине она купила себе плащ и шляпу, и, помнится, я невольно улыбнулся, услышав это ее признание. Она же, заметив мою улыбку, пояснила, что и плащ, и шляпа были замечательными: стоило их вывернуть, как из красно-синих они превращались в клетчатые, что давало ей шанс оторваться от филера на улице, в толпе, сбить его с толку. Они были профессионалами – вот в чем дело, по сути, незначительная кучка смельчаков, бросивших вызов могущественному САМОДЕРЖАВИЮ с его разветвленным и опытным аппаратом сыска – департамент полиции, корпус жандармов, агенты, дворники... Постепенно мы как бы забыли об этом – о слежках, преследованиях, арестах. Ведь за ними охотились поднаторевшие в своем деле профессионалы – чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с делами Департамента полиции, полистать папки с рапортами, донесениями агентов. В Петербурге, где Соня проработала до февраля, ей удалось, несмотря на интенсивную деятельность на Выборгской стороне, остаться незамеченной, но в Одессе, куда ее вызвал комитет для организации тайной типографии, служащие полиции свой хлеб ели не зря. Сначала они обнаружили типографию, а 2 июня на Большой Арнаутской в доме 74 арестовали всех участников собрания, в том числе ее и Михаила Лазуркина, ее будущего мужа. Ее выслали в Вятскую губернию, его – в Вологду. Каким-то образом они сговорились бежать, и это им удалось в августе, они

встретились в Москве, но уже 25 августа их арестовали на станции Обораловка Нижегородской железной дороги, где была назначена сходка. Что было потом? Бутырская тюрьма, освобождение в день объявления манифеста, похороны Баумана, а 25 октября они уже были в Петербурге, она с паспортом на имя Юлии Корн, в его паспорте стояло – Борис Соколовский. А события шли по нарастающей... В середине ноября восстал Черноморский флот во главе с лейтенантом Шмидтом, в декабре восстал пролетарская Москва. 12 декабря после митинга на площади перед заводом Нобеля, на котором она призывала питерцев последовать примеру москвичей, ее вновь арестовали. Это произошло в помещении столовой для безработных на Самсоньевской улице, где собирались члены райкома и боевых дружин, всего двенадцать человек, в числе которых был и Михаил Лазуркин.

Итак, три ареста за год, побег. Среди ее воспоминаний той поры есть одна новелла, иначе не назовешь, о молодом помощнике прокурора, которому поручили ее дело. 25 октября 1917 года накануне штурма Зимнего она его встретит в Смольном в неожиданном для себя качестве – командаира одного из штурмовых отрядов. «Вы – и с нами?» – удивленно воскликнет она. «А ведь это ваша заслуга, – скажет он. – В пятом вы поразили меня своей неистовой верой в торжество революции, назвали книги, я начал их читать, чтобы изучить ваш феномен, и вдруг увлекся высказанными идеями, поверил в них и круто изменил свою жизнь, поэтому я и здесь». А в 1906 году этот человек выпустил ее под залог – до суда, суд же постановил выслать ее в Архангельскую губернию, откуда она, естественно, вскоре бежала. В том же году она вышла замуж за Михаила Лазуркина, они поселились в Петербурге, на Лиговке, в так называемом доме Перцева.

Среди документов, разысканных Юлией Михайловной уже после смерти матери в Архиве Октябрьской революции, было два письма Владимира Ильича Ленина, ранее

неизвестных историкам и потому не вошедших в полное собрание сочинений. Вот одно из них:

«Краков 19/2 1913 г. Н. Крупская
в С.-Петербург, Лиговка, 44, кв. 326
Помощнику присяжного поверенного Лазуркину М. С.

Дорогие друзья. Сегодня наконец-то получили сразу 2 письма, а от 3-го ничего. Вы вот жалуетесь на резкий тон, но ведь не всякое же лыко в строку, мало ли что скажется в минуту, когда вместо писем кляксы получаем. Теперь уже ясно, что все налаживается и пойдет хорошо, когда все взялись за дело, и А. и номера, а то знали только Алексей уехал; Михальчи пишет какое-то неискреннее письмо, Демьян стонет и т. д.

Ну, а теперь сначала письмо Гр., а потом Фр.

Дорогие друзья. Не можем представить вам, как мы рады, что вы начали реформу в “Дне”. Конечно, это еще не все. Мы находим совершенно необходимым совершить следующее:

1. Отстранить Михальчи. Его ...ор печати ни к черту не годится. В таком виде он никому не нужен. Если у А. есть время, пусть он попробует сам вести этот обзор, а если нет, можно его свободно уничтожить и заменить заметками, которые мы будем в большом числе присыпать, если нас обеспечат газетами,

2. Необходимо привлечь Демьяна. Нужно для газеты талантливого юмориста. Он писал сюда очень дружественное письмо. Он хочет работать у вас, но только его отталкивали. Он говорит, что не гонится за большими деньгами. Надо это проверить. С ним необходимо повидаться лично непременно самому А. и №№ 3 и 6 и поговорить, ссылаясь на письмо сюда.

3. Выпишите нам “Русскую Молву” и “День”. Увеличим тогда число статей.

4. Пришлите 2 экз. № 25. Не видели. В цензурном отношении советуем исключительную осторожность.

5. Передовицу для “Р.Г.” шлем. Дружественные отношения желательны.

6. Посыпаемое о 300-летии переделайте конечно, если найдете нужным.

7. Пришлите №№ 7, 8 и 21 “Луча”. “Правду” получаем поздно и неаккуратно. Пришлите справочный лист “Думы” и другие издания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru